

Гринштейн Марк Михайлович

М.Г. - Родился 16/3/1924 в Житомире, в семье врача. Мой отец окончил медицинский факультет Университета Святого Владимира в г. Киеве, в 1-ую Мировую Войну был военврачом, имел звание штабс-капитана. После революции отец работал главным врачом городской поликлиники. Отец рано ушел из жизни, когда мне было всего четыре года, но как мне рассказывала мама,

после его смерти его портрет еще несколько лет висел в клинике. Моя мама окончила Высшие женские курсы в Одессе, а затем получила образование в Берлине, и при Советской власти работала простым учителем в еврейской школе.

Моя старшая сестра, Сана, перед войной закончила 2-й курс Ленинградского Института инженеров ГВФ, в Финскую войну пошла добровольно санитарным инструктором на фронт, а в июне сорок первого года сестра как раз приехала на летние каникулы домой, в Житомир.

Г.К. – Какой была довоенная жизнь в Житомире?

М.Г.- В начале 30-х годов она была очень голодной, поэтому мама вместе с нами, детьми, решила уехать в Ленинград, где жили наши родственники. Однако, с поиском работы ни в городе, ни в области ей не повезло. Пришлось возвращаться в голодный Житомир. После тридцать третьего года простой народ уже не голодал. Нашей семье в самые страшные годы помог выжить мамин брат, который еще в 1912 году уехал в Бельгию и присылал нам посылки и «боны». Эти боны можно было обменять на продовольственные и промышленные товары в специальной сети магазинов, называвшейся Торгсин

(торговля с иностранцами). Мама покупала на них только продукты питания.

Житомир был еврейским городом, в котором проживало больше пятидесяти тысяч евреев, но в городе также были польские, немецкие, чешские, и «смешанные» русско-украинские районы, и все друг с другом ладили, не было никакой национальной вражды.

Я в школе дружил с немцем Эдиком Краузе, а на детской технической станции занимался со своим близким другом украинцем Ваней Войтенко, никого тогда не интересовало, кто какой национальности. У нас в классе училась также девочка-немка Грета Ланге. Ее старшая сестра Ольга Мартыновна была преподавательницей немецкого языка. После войны мне кто-то из знакомых рассказал, что после освобождения Житомира ее арестовали, так как она во время оккупации работала у немцев переводчицей. Судьба Ольги могла плохо закончиться, если бы не свершилось чудо – она попала на допрос к офицеру-контрразведчику – собственному мужу.

Г.К. - Как Вам запомнились первые месяцы войны?

М.Г.- 21-го июня у нас был выпускной вечер в школе, и после торжественной части, вручения аттестатов, мы поехали до утра кататься на лодках. Под утро мы слышали что-то похожее на взрывы в районе военного аэродрома, но не придали этому значения, просто не поняли, что это было. А в полдень по радио передали сообщение Молотова о начале войны...

Я перед войной подал документы на поступление в Киевское военное училище связи и ждал вызова на экзамены, но тут такое началось, что в военкомате от меня просто отмахнулись.

Жуткой паники в городе не было, но гражданское население было предоставлено само себе.

Не было общей организованной эвакуации, да и в первые дни войны кто мог подумать, что уже в начале июля Житомир будет сдан немцам без боя... А когда немцы подошли к городу, то многие просто не хотели уезжать на Восток, успокаивая себя разговорами, что немцы в 1918 году показали себя «культурными людьми» и нечего их бояться...

Сестра моя сразу пошла в военкомат и была направлена в штат формируемого эвакогоспиталя.

Я по возрасту не попадал под призыв, но сидеть спокойно дома тоже не мог, ведь был патриотом и комсомольцем с 14 лет. Сестра помогла мне оформиться санитаром в тот же госпиталь.

Привели меня в госпитале к месту, где были свалены в кучу отрезанные руки и ноги, и говорят: «Тебе придется таскать эти обрубки. Страшно не будет?»...

Госпиталь отправился из Житомира в Лубны, говорили, что мы отбываем только на пять дней, но когда госпиталь развернулся, то приказали отправить по домам всех «гражданских». Мама была с нами. Нам сказали: «Уезжайте», а куда ехать?... Попрощались с сестрой, и махнули, куда глаза глядят.

Сначала мы добрались до Ростовской области, где меня с мамой отправили в Морозовский район, мы попали в совхоз «Путь к коммунизму». Работал в поле на уборке урожая, но в районе набралось столько беженцев, что многие, не найдя себя куска хлеба, уезжали дальше на восток страны.

Мы доехали до Сталинграда, где уже была папина сестра, и откуда эвакуированных на баржах отправляли вниз по Волге, а затем по железной дороге в Казахстан. Для нас это был самый тяжелый момент, у нас с собой не было ни денег, ни продуктов, мы голодали.

Папина сестра по дороге заболела сыпным тифом и скончалась...

В Уральске какой-то человек дал нам полбуханки хлеба, и мы с мамой хоть немного поели.

Добрались до Кзыл-Орды, где нас вместе с другими распределили по аулам и колхозам.

Мы с мамой попали в колхоз имени Ворошилова Тирень-Узякского района, в 25 километрах от областного центра. Все нам было там в диковинку - от циновок, юрт и блох, до еды и климата.

Колхозом заправлял какой-то не говорящий по-русски здоровый мужчина, всегда ходивший с плеткой в руках и имевший «имя» - «Хузьян», а «переводчиком» у него был мальчишка-татарин, немного владевший русским языком. Кроме нас в ауле больше не было эвакуированных, а в соседнем колхозе жили высланные с Дальнего Востока корейцы. В колхозе мы занимались сортировкой риса, эта работа заключалась в том, что из чистых зерен мы убирали зерна в шелухе. Эта монотонная работа очень утомляла, особенно уставали глаза, но она давала возможность заработать кусок хлеба в виде казахской лепешки.

Г.К. – Когда Вас призвали в армию?

М.Г. – В феврале 1942 года я пришел вставать на учет в военкомат. Посмотрели мои документы, образование - 10 классов, спрашивают: «Куда хочешь? В какое военное училище?» - «Хочу в артиллерийское!»-- «Ну, мы сами решим, куда тебя направить». Через неделю призвали. Мать, провожая меня в армию, сказала: «Сынок, воюй так, чтобы мне не было за тебя стыдно...».

Отправили меня в Туркмению, во вновь созданное Ашхабадское пехотное училище, куда я прибыл в марте сорок второго года.

Попал в стрелковый курсантский батальон, а в минометном курсантском батальоне оказался мой близкий друг еще со школьных времен Семен Винополь, с ним вы уже делали интервью.

Курсантов разместили в палаточном городке в поселке Чули, это место находилось совсем рядом с иранской границей. Здесь полгода мы проходили ускоренный курс обучения.

Об училище я подробно рассказывать не буду, поскольку Семен Винополь все наши «курсантские будни» в своем интервью детально описал, так что повторяться не будем.

Запомнился начальник училища полковник Утургаури. Нашей курсантской ротой командовал старший лейтенант Родинов, а взводом лейтенант Шляпников, и с ними меня потом судьба столкнула на фронте, это были приятные, хоть и мимолетные встречи, ведь в училище курсанты уважали этих офицеров, порядочных людей и толковых командиров.

Обмундирование нам выдали «третьего срока», гимнастерки были просолены нашим потом до такой степени, что я однажды, раздеваясь, потянул за воротник гимнастерки, и он остался в моих руках. Сапог и ботинок с обмотками у нас не было, на ногах мы носили самодельные чуни...

Отмечу следующее - гоняли нас весьма прилично, без жалости, и не все курсанты выдерживали запредельные физические нагрузки, болезни, жару, скудное питание и муштру. Слабосильных списывали из училища в маршевые роты. Удивительно, но через столько лет у меня остался в памяти номер моей первой трехлинейной винтовки, выданной в училище – ХД-332.

В училище я начал курить. Это произошло потому, что во время перекура некурящих заставляли выполнять различные поручения, поэтому их становилось все меньше и меньше. Бросил курить я лишь спустя 38 лет, и уже почти столько же лет не курю....

Меня эта «Средняя Азия» добила сразу после выпуска из училища. Мы уже получили лейтенантские «кубики» в петлицы и ждали отправку на фронт, под

Сталинград, когда товарищи заметили, что я вдруг весь пожелтел. Врачи поставили диагноз – гепатит, и положили меня в инфекционную больницу. Желтуха протекала в тяжелой форме и через два месяца меня с полным истощением организма комиссовали из армии по болезни, на год, с формулировкой «Ограниченно годен». При выписке спрашивают: «Куда оформлять документы? Где у тебя есть родные?».

Мама уже перебралась в Красноярский край, в Ачинск, где находился госпиталь, в котором работала моя сестра. И я решил поехать к ним в Сибирь, больше было некуда...

Прибыл в распоряжение Ачинского военкомата и получил назначение на должность военрука в школу в деревне Александровка. В конце сорок третьего года я прошел медицинскую комиссию, был признан годным к службе и отправлен в действующую Армию.

Г.К. – Как жила сибирская деревня в середине войны?

М.Г. - На всю деревню было только несколько мужиков, вернувшихся из армии инвалидами по ранениям, а все остальные мужчины были на фронте. Местные выживали только благодаря тому, что имели личный скот и птицу, свои огороды, и тем, что давала людям тайга.

А так, все у колхозников отбирали подчистую, под лозунгом «Все для фронта, все для Победы»... Я забрал к себе мать из Ачинска в деревню, а где добыть пропитание?...

Тыловая карточка - это даже не впроголодь, это хуже... Стрелял ворон из школьной малокалиберной винтовки, мать собирала черемшу и сдавала ее в контору «Заготсельхоз».

Сестра дала мне армейский бушлат, так поехали за 25 километров в зажиточное татарское село, и обменяли этот бушлат на муку.

Как бы то ни было, люди работали в колхозе себя не жалея, никто вслух не роптал, все понимали, что если война, то не до жиру, надо все вынести...

В школе было пять-шесть учителей, и все, как могли, поддерживали друг друга.

Я вел военное дело, учил допризывников стрельбе. У нас кроме «малокалиберки» была еще винтовка - «трехлинейка» с просверленной ствольной коробкой.

Г.К. – С каким настроением снова уходили в армию?

М.Г. – Хотел воевать, поэтому искренне стремился на фронт.

Из Красноярска прибыл в Кемерово, где находился офицерский резерв Сибирского ВО, и откуда офицеров, прибывших из тыловых частей или после излечения в госпиталях, распределяли для дальнейшего прохождения службы. Меня сначала отобрали на курсы в школу шифровальщиков, «притормозили» в резерве, я заполнил какие-то анкеты, подписки, но не прошел в эту школу шифровальщиков по каким-то критериям, и меня с маршевым офицерским эшелоном вскоре отправили на фронт.

Я, честно скажу, был доволен, что так все произошло... В этом окружном резерве офицерского состава царил натуральный бардак. Сапоги у меня украли в первую же неделю, и, взамен украденных, интенданты сжалились и выдали мне старые, разбитые сапоги. Чтобы их тоже не украли и не пропили, ночью в сапоги вставлял ножки кроватей.

Здесь я подружился с замечательным парнем Александром Грищенко из Белова Кемеровской области, но выжил ли он на войне, я так и не узнал.

Ехали в товарном вагоне, где были сооружены двухэтажные нары. Многие офицеры меняли по дороге свои новые шинели английского сукна, а все вырученное за такой «обмен» проели и пропили.

Многие из нас были уверены, что домой живыми не вернутся, что нам выдан билет в одну сторону... Питались мы на продовольственных пунктах по спецталонам, получали сухари и американскую тушенку, но бывали на больших станциях пункты, где можно было съесть горячий обед. Проезжая через Москву, мы 3 дня кружили по Московской окружной ЖД, и я решился оставить свой эшелон и повидать московских родственников. Все прошло удачно. Конечным пунктом нашего назначения был районный центр Дзержинск Минской области, где формировался резерв 49-й армии 2-го БФ.

Сначала офицерские команды из армейского резерва отправили собирать «уклонистов от призыва» в недавно освобожденных от немцев сельских районах, и только ранней весной 1944 года я прибыл на передовую, на должность командира стрелкового взвода 3-го батальона 1260-го стрелкового полка 380-й Орловской Стрелковой Дивизии ...

В полк я прибыл весной, а в документах у меня почему-то стоит другая дата начала участия в боевых действиях - вторая половина июня.

Г.К. – Что за люди служили во взводе, который Вы приняли под командование? Как встретили во взводе нового офицера?

М.Г. – В моем взводе служило примерно двадцать бойцов, люди разных национальностей - русские, украинцы, татарин, белорус, молдаванин. Был еще один пожилой грузин, почти не говоривший по-русски, и про свое боевое прошлое он рассказывал такими словами – «Лейтенант, вперед! Нету. Лейтенант, вперед! Вашу мать...Нету...». Его вскоре убило в наступлении.

Люди разных возрастов, разной фронтовой и довоенной судьбы служили во взводе.

За время нахождения на передовой у меня было два ординарца, оба из бывших штрафников.

Первый был татарин, заведовал в тылу продовольственным магазином, так его жена сдала милиции, он получил лагерный срок за недостачу, и из заключения попал в штрафники, а уже после ранения - в наш обычный стрелковый полк. [REDACTED]

Второй воевал танкистом, его командир, капитан по званию, чем-то его обидел, и он, не задумываясь, застрелил офицера, за что был отправлен в штрафную роту, ранен, и после госпиталя - к нам. [REDACTED]

А встретили меня бойцы доброжелательно, я был для них очередной «Ванька - взводный», который на фронте живет в наступлении три дня, а в обороне месяц, пока не убьют его или не ранят. [REDACTED]

Сколько таких взводных уже насмотрелись бывалые бойцы... [REDACTED]

Когда я прибыл на передовую, то, в начале, мой взвод разместился во второй линии обороны. Траншея проходила через картофельное поле. Помню, что как-то ночью, когда очень хотелось пить, я чистил картошку и утолял жажду картофельным соком. Через какое-то время мы были передислоцированы в первую линию обороны, проходящую по опушке леса. [REDACTED]

Пока мы стояли в обороне, было относительное затишье, и потери у нас были небольшие. [REDACTED]

Поэтому у нас было время, которое мы использовали для углубления траншеи и сооружения хорошего блиндажа с покрытием в три наката. В блиндаже мы соорудили двухэтажные нары, что дало возможность половине взвода, сменившегося с дежурства, спокойно отдыхать. [REDACTED]

Но однажды произошел трагический случай. Перед нами были установлены свои минные поля, а карту минирования нам не дали, и когда одно из отделений выдвигалось в боевой дозор, то бойцы подорвались на своих же минах, был один убитый и трое раненых. [REDACTED]

Один раз мы участвовали в разведке боем. Прямо к нашим окопам подошла «катюша», дала залп, и мы

сразу поднялись в полный рост, прошли вперед метров двести, а потом нам приказали вернуться в траншеи. Я не помню, чтобы в этот раз у нас были какие-то потери.

Немцы занимали позиции в деревушке перед нами, и там, на колокольне, у них сидели наблюдатели, и вся наша оборона у них была как на ладони. Днем они держали нас под огнем, так что вся жизнь в траншеях начиналась с наступлением сумерек.

Г.К. – Что осталось в памяти из летнего наступления в Белоруссии?

М.Г. - Мы хорошо понимали, что скоро пойдем в наступление. Так, нас отвели на показательный расстрел поляка – дезертира, всю дивизию, считай, собрали в одном месте, зачитали приговор, поставили дезертира на колени перед ямой, завязали ему глаза, и «шлепнули» ...

Затем, прямо за нашим батальоном встал заградотряд, а в ротах стали появляться агитаторы и парторги из штаба полка. И сразу стало ясно, что вот-вот начнется.

Ротам пополнили боекомплект - верные признаки грядущего наступления. А потом мы пошли на прорыв. В первую атаку я поднялся, прокричав: «Сейчас я вам покажу, как евреи воюют!».

И дальше, почти без остановок, с непрерывными боями мы дошли до польского города Ломжа. Я был там ранен в руку, но в тыл не ушел. Какие-то конкретные детали боев в этой кровавой круговерти мне не запомнились. Шел вперед, стрелял, кидал гранаты.

Все сейчас слилось в одну картину сплошного боя. Был один момент, что немцы атаковали нас танками. Пошли на нас «тигры», и мы уже решили, что нам «крышка», не выжить, но открыла заградительный огонь противотанковая артиллерия, и танки повернули назад, не дойдя до нас всего сотню метров. В этом бою

мой взвод понес значительные потери, но командование не разрешило отойти на сборный пункт, пока не будут найдены все убитые. [REDACTED]

Мой взвод потерял тогда где-то 10 человек убитыми, не говоря о раненых. [REDACTED]

В сам город наш батальон не вошел, в Ломжу вошли другие подразделения дивизии. [REDACTED]

После этого нас отвели в ближний тыл, на пополнение, разместили в палаточном городке. А затем в течение нескольких месяцев мы тренировались и готовились к следующему наступлению. [REDACTED]

Был подобран район, похожий по рельефу на место нашего запланированного прорыва, построена «немецкая линия» обороны. Каждое утро мы совершали переход на пятнадцать километров в район учений, и там учились наступать сразу за огневым валом, преодолевать инженерные препятствия, правильно ползать, перебегать под огнем. Все учения проходили с боевыми стрельбами и нередко случались нелепые смерти от своего огня. Однажды со мной произошел такой случай. Я был дежурным по полку и находился в его расположении. Вдруг, вижу, в поле моего зрения появился командир полка подполковник П.М.Плотников еще с каким-то человеком в военной фуражке и кожаном пальто без погон. Когда я подошел поближе, то Павел Михайлович показал мне глазами, что докладывать надо именно этому человеку, который оказался генерал-лейтенант Гришин – командующий 49-й армии. [REDACTED]

У меня до сих пор сохранилась записная книжка с перечнем состава полка, который я записал, принимая дежурство у моего предшественника. [REDACTED]

За два дня до зимнего прорыва нас скрытно перебросили в первую линию, и мы приготовились к атаке. Почти двое суток шли пешком, спали на снегу. Ветки хвои, плащ-палатка, а укрывались шинелью. В

ногах разжигали небольшой костер. Конечно, выспаться не удавалось, и досыпали на ходу. Мне запомнился случай, когда я головой уткнулся в спину впереди идущего, и только тогда проснулся. Эти двое суток питались кое-как.

Через несколько дней после начала январского наступления меня ранило осколками мины, раздробило ладонь, и на этом для меня война закончилась, я до второй половины апреля 1945 года пролежал в госпитале в Казани.

Г.К. – Кто запомнился из офицерского состава полка?

М.Г. - В первую очередь, наш командир полка подполковник Павел Михайлович Плотников, впоследствии Герой Советского Союза, генерал-лейтенант. В семидесятые годы я с ним стал тесно общаться, бывал у него дома. Он жил в Москве, в «генеральском доме» на Сивцево-Вражке, в одном подъезде с начальником ГлавПУРа Епишевым. Это был очень хороший, порядочный человек.

На фронте весь полк его уважал. Плотников людей берег, жестоким не был, воевал с умом, наградившимся не жалел. До войны Павел Михайлович был учителем математики в Курске, потом закончил военное училище связи, и в 26 лет, будучи начальником связи дивизии, принял под командование стрелковый полк, заменив погибшего командира, и в этой должности успешно провоевал до конца войны, был трижды ранен. Интересная история о том, как я его нашел. Дело было так.

В середине 60-х годов в газете «Комсомольская правда» я обнаружил фотографии под заголовком «Ровесники Октября», где были изображены Герой Советского Союза полковник П.М.Плотников и еще один полковник – выпускники Военной академии им.Фрунзе. После этого при встрече с различными офицерами я спрашивал про полковника Плотникова,

и вот однажды в купе поезда мой попутчик-майор сказал, что через некоторое время генерал Плотников должен прибыть с инспекторской проверкой в город Ереван (в то время я жил и работал в Армении в городе Кировакане). Он обещал сообщить мне по телефону. Майор сдержал свое слово, и мне удалось повстречаться с генералом Плотниковым, моим бывшим командиром полка. Он обещал навестить меня в Кировакане, но по ряду причин ему это не удалось. После этого во время каждой поездки в Москву я бывал у него дома.

Он скончался в 2015 году, не дожив двух лет до столетнего возраста.

Командиром батальона был майор Романов, человек, скажем мягко, не всегда адекватный, особенно по пьянке. Один раз мы с ним на лесной тропинке вдвоем разминулись, так он мне в спину из пистолета выстрелил, «в шутку», так сказать, но промазал. То ли дурачился, «жида попугать» захотел, то ли просто у него меткий выстрел не вышел. Я так и не понял. Романов, кажется, выбыл по ранению. Или убило его?... Не помню точно. Вместо него на должность комбата пришел майор Кузьмин, человек жестокий и сильно пьющий. В сорок пятом, как мне рассказывали позже однополчане, он лично перестрелял по пьяному делу половину немецкой деревни, за это попал под трибунал, а вот вы говорите, что по генеральским мемуарам майор Кузьмин числится погибшим в боях за Данциг.

Командовал моей ротой уже пожилой офицер по фамилии Марченко, он был откуда-то из Белоруссии. Начальником штаба батальона (старшим адъютантом) был мой друг, близкий мне по духу, капитан Юра Бояков, призванный в армию из Баку. О комбате Кузьмине он говорил так: «У майора настолько тонкий ум, что его очень трудно заметить». Юра был старше меня лет на пять, начинал воевать летчиком в

авиации, оттуда попал в штрафбат, а после ранения был списан в пехоту. Боякова тяжело ранило в феврале 1945 года, но о дальнейшей послевоенной его судьбе я ничего не знаю.

Г.К. - Какое вооружение имел Ваш взвод? С каким оружием воевали лично Вы?

М.Г. – В этом плане все у нас было обычно, стандартно, как во всех стрелковых ротах.

Во взводе были автоматы ППШ, винтовки-«трехлинейки», одно ружье ПТР и один ручной пулемет ПД. Станкового пулемета «Максим» во взводе не было. Гранаты РГД и «лимонки» были у всех, а трофейными немецкими гранатами мы не пользовались, от них толку было мало. В роте, кажется, был штатный снайпер, у него была винтовка с оптическим прицелом. Точно, был такой.

В наступлении многие ребята брали на поле боя или у убитых немцев автоматы, пистолеты, широкие тесаки с клеймом «С нами Бог» и офицерские кортики. Снять с немецкого трупа оружие или ремень, забрать портсигар или, например, часы - у нас за мародерство не считалось. Законные трофеи... В полк прибыл - сразу получил «наган» и ППШ, а потом у меня появилось несколько немецких пистолетов, включая «вальтер» и «парабеллум».

В моей коллекции был и изящный «дамский браунинг», его я подарил товарищу, а пистолет «парабеллум», которым я очень дорожил, просто закопал в землю перед отъездом из Германии, не захотел сдавать его, как требовали армейские приказы.

Один раз мы захватили немецкую траншею, и там был пулемет МГ, я его развернул и стал стрелять по немцам, и честно стоит отметить, очень хороший был пулемет...

Г.К. – Как снабжали пехоту? Как обстояло дело с «наркомовскими ста граммами» и с табаком непосредственно на передовой?

М.Г. – На передовой во второй половине войны уже кормили сносно, тем более в наступлении мы брали трофеи - хорошие немецкие консервы, шоколад, и даже хлеб в запаянных цинковых коробках. Мне в руки попала коробка, на которой стояла дата выпуска -1937 год.

В обороне, конечно, было с харчами похуже, но иногда мы сами себе организовывали приварок. Запомнился один курьезный момент. На нейтральной полосе появилось заблудившееся стадо коров, так мы «сняли» одну корову из снайперской винтовки, а ночью бойцы вылезли на «нейтралку», привязали к туше провод, и мы потом затащили ее к себе в траншею. Вся рота ходила сытая и довольная.

С табаком тоже дело обстояло неплохо, выдавали канскую махорку, или мы курили немецкие трофейные сигареты. Папирос не было, даже у офицеров.

«Наркомовские» сто грамм нам выдавали непосредственно перед каждой атакой, приносили полный котелок спирта на взвод. В обороне тоже выдавали водку, но не каждый день. А когда нас отвели на пополнение, то «наркомовских» нам не полагалось.

Пить на фронте я научился прилично. На новый сорок пятый год, когда мы стояли во втором эшелоне, к нам приехала автолавка. Офицеры скупили весь одеколон, и Новый Год все офицеры батальона отметили, подняв кружки с одеколоном. Пошел за милую душу.

Г.К. - В плен брали?

М.Г. – У нас нет, не брали... Никого... Немцев ненавидели люто ... Один пленный немец запал мне в память. В зимнем наступлении пошли в атаку, впереди нас танк Т-34, и тут его поджигают из «фаустпатрона». Поймали немца-«фаустника», совсем

молодой парнишка, начал орать «Нихт шиссен!», так просил, чтобы его оставили в живых, но бойцы его пристрелили на месте.

Тут есть еще один нюанс. Допустим, рота атакует, ведет бой, а кто из бойцов, которых всегда и так в первой линии кот наплакал, пойдет без приказа комбата конвоировать в тыл пленных? Да такого бойца «особисты» сразу возьмут за шкуру, мол, сволочь, увильнуть от боя хочешь?!

То же самое, если вдруг кто-то остановился перевязать или оттащить в тыл раненого товарища. Нельзя! Это работа санитаров! А ты, пока целый и живой, вперед, иди немца убивай!

Г.К. - Ваше отношение к штабным и к политработникам во время войны?

М.Г. – Со штабными почти не сталкивался, да и не знал там, в штабе, никого. Если ты попал на передний край, то штаб полка для тебя «глубокий тыл», который ты можешь увидеть издалека и то только на переформировке. Это другое измерение, другой мир. Там другая война, «штабная», незнакомая и непонятная «окопникам». Но кто-то был должен и в штабах сидеть...

Политработники полкового звена появлялись на передовой в затишье, проводили с нами «политические пятиминутки», и один такой замполит - политрук меня «сосватал» в партию перед наступлением. Тогда все писали один текст – «Хочу в бой идти коммунистом!» При этом замполит спросил – «Страшно на передке?», я ответил – «Нет», - на что он произнес - «Врешь, всем страшно»...

Комсорг и парторг батальона участвовали в атаках вместе со всеми.

Г.К. - Выжить не надеялись?

М.Г. – Нет. В пехоте никто не верил, что уцелеет. Если ты уже попал в стрелковую роту, то твои шансы выжить равны нулю. Кто был помоложе, тот был готов

к смерти за Родину в любую минуту. Нас так воспитали. На передовой меняется твое мироощущение. Ты понимаешь, что уже приговорен к смерти, каждый новый день воспринимаешь как свой последний. От судьбы не уйти...

Ты покоряешься своей судьбе, и понимаешь, что «Надо!» Надо подниматься в атаку, идти под пули, потому что если не ты, то кто?! Это надо тебе, надо Родине... Совесть, долг, желание отомстить...

Слова высокопарные, пафосные, но мы так искренне думали.

А кто-то может и не знал таких слов, но просто выполнил свой долг до конца, пал смертью храбрых. Сняли с одного погибшего парнишки смертный медальон, а в капсуле вместо адреса и личных данных одна записка, текст с матом, но смысл такой – «Умираю, не познав женщину»...

Но были на передовой и такие, которые пытались остаться в живых любой ценой.

Поднимаю взвод в атаку, поднимаюсь на бруствер, а мой командир отделения, сержант Данилов, не вылезает из траншеи. Я ему матом – «Вперед!», а он мне говорит – «Ты, взводный, уймись! Иди сам вперед! У меня семья... А будешь выступать - получишь пулю». Я решил, что пусть он катится к черту и повел остальных в атаку...

Г.К. – Ваше личное отношение к Сталину?

М.Г. – Я был комсомольцем, патриотом, получил в советской школе соответствующее «воспитание» и в начале войны считал Сталина вождем, «отцом родным», и так далее.

А на войне наслышался от людей, что творилось по городам и весям Страны Советской в тридцатые годы, да потом, в Германии, посмотрелся на жизнь «побежденных», и рухнул в моих глазах «светлый образ вождя народов», развалился, как карточный домик, и понял я со временем, какой это просто

злодей, подлец и палач, терзающий свой народ. Когда Сталин умер, то я не пошел на траурный митинг, на который сгоняли всех, от мала до велика. Сказал жене: «Ты иди, а я не пойду. Я же там смеяться начну от радости»...

Г.К. – Национальный вопрос Вас на фронте как-то коснулся?

М.Г. – Почти нет. «Жидом» меня в армии в глаза никто не называл. По мелочам что-то было.

Как-то, после то ли боя, то ли учений, упали мы отдыхать у стенки сарая, и я слышу, как за углом сарая, один из моих товарищей говорит про меня: «Если бы я знал, что он еврей, то я бы руки ему не подал!» Для меня такие слова как обухом по голове ударили... Я внешне не был похож на еврея, однажды меня спутали с каким-то товарищем Бойко, а полька в освобожденном польском городке вообще заявила нашему коменданту, что я немец, переодевшийся в форму советского офицера.

Ну и в госпитале в Казани, кто-то из «новых» офицеров начал выступать, такая «типичная речевка» военных лет - «Жиды-падлы не воют, жиды - Ташкент, Абрам - кладовая», а я в углу лежал рядом с двумя тяжелоранеными лейтенантами - евреями, Мишей Мичником и Мишей Берлиным, так мы ему сказали, видишь, сука, с какого Ташкента мы сюда попали, он и отвалил от греха подальше. Но с какими-то серьезными проявлениями антисемитизма я на войне не сталкивался.

Г.К. – Из Вашего класса все ребята воевали?

М.Г. – Большинство моих одноклассников погибло. Про двоих выживших не могу точно сказать, сейчас уже не помню, были ли они непосредственно на передовой - это Нахшин и Семен Горбонос. На фронте из моего класса погибли Натан Гольденберг, Бегун, Мотя Баран, Муня Абрамов, Миша Койфман, Митя

Краснощеков, Абрам Фирштейн и еще несколько ребят.

Инвалидами вернулись с фронта Натан Шульман и Эля Балмагия, Абрам Гехтман.

Живым вернулся с войны Моше Новосельский, он потом дослужился до майора. Не знаю, как сложилась военная судьба моих одноклассников Ступенько и Коли Сопова.

Интересно сложилась судьба Ёни Штернберга. Голубоглазый блондин, он попал в плен к немцам, уничтожил документы и представился как русский Лёня Павлов. Но через какое-то время ему удалось бежать и перейти линию фронта. Тут его схватили контрразведчики: «Как еврей мог уцелеть в плену?» Он был осужден и отправлен в штрафбат, откуда вернулся без ноги на костылях. С ним я встретился после войны.

Г.К. - Где пришлось служить после войны?

М.Г. - Из госпиталя я поехал в Германию, искать свой полк. Добирался на попутках. На каком-то перекрестке встретил старшину из нашего батальона, одесского еврея Жору (Иосифа) Голуба, который возвращался в часть после выписки из госпиталя, в феврале 1945 года его тяжело ранило в ноги. Мы прибыли в штаб Северной группы войск (СГВ), где узнали, что наша дивизия отправлена на Восток. Получили направление во вновь организуемую комендатуру в городе Керлин в Верхней Силезии.

У нас во «владении» находился спиртзавод, и поэтому мы всегда могли пополнить свои запасы как продовольствия, так и бензина. Через три месяца город был передан под управление Польши и весь состав комендатуры был направлен в штаб СГВ, который находился в польском городе Лигнице.

Здесь я получил назначение в так называемую «трофейную бригаду», которая занималась демонтажем оборудования немецких заводов и его

отправкой «в счет репараций» в Союз. Наш батальон, входивший в состав трофейной бригады, занимался демонтажем лампового завода в немецком городе Вайсвассер. Командирами подразделений в этой бригаде были только боевые офицеры, после госпиталей, а бригадой командовал выписанный из тыла инженер - специалист в звании полковника по фамилии Барыленко. Половина снятого нами оборудования потом сгнивала и ржавела на перевалочных пунктах под открытым небом, и мы, глядя на такое, только крыли матом хозяйственников. Когда бригада закончила демонтаж предприятий, то ее расформировали, и меня отправили служить в Берлин, в комендатуру района Трептов. Там я прослужил до своей демобилизации.

Г.К. – Какими были отношения между гражданским немецким населением и военными в Берлине после войны? Были ли какие-то попытки партизанских действий со стороны немцев?

М.Г. – Немцы очень покорная нация. Всячески пытались доказать нам свою лояльность и раскаяние. Никаких диверсий в Берлине не было, все немцы «ходили по струнке». Кроме советской гражданской и военной администрации у немцев были уже свои органы управления, и даже была создана своя немецкая полиция, в которую набирали бывших вояк из вермахта, никогда не состоявших в рядах нацистской партии. Уже не было насилия по отношению к гражданским, закончилась «трофейная лихорадка», так что если у наших солдат и офицеров с немцами изредка случались какие-то эксцессы, то, как правило, по пьянке.

Немцы получили от нас гарантированные пайки, им помогали восстанавливать дома, открывать какие-то заведения и предприятия, и мы уже в них не видели заклятых врагов.

Г.К. - Многие рассказывают, что до 1948 года из Берлина можно было спокойно уйти в западные зоны оккупации города. Это верно?

М.Г. – Да. Можно было сесть в метро, выйти из вагона в «американской зоне», и, при желании, также вернуться. Но перебежчиков было мало. У нас в комендатуре начальником Военторга был старший сержант Шапиро. Он как-то нагрузил грузовик продуктами и уехал в западную часть города, к бывшим «союзникам». И, видно, стало ему там скучно, позвонил он прямо к коменданту района полковнику Кошелеву, мол, как дела товарищ полковник, это я, как вы там и так далее.

У нас в комендатуре своего отдела СМЕРШа не было, но рядом находилась городская телефонная станция, и пока Шапиро трепался с полковником, определили номер, с которого он звонит, и адрес где зарегистрирован этот номер. По нашему звонку немецкая полиция его арестовала и нам передала. Он получил 10 лет лагерей за измену Родине.

Г.К. – Чем Вы занимались в комендатуре?

М.Г. – Моя должность называлась «офицер-экономист», я регулировал правильность снабжения немецкого населения продуктами питания, так как в зависимости от рода занятий полагалась своя категория. Для этого существовала специальная инструкция, разработанная Центральной комендатурой Берлина. Кроме этого в мою обязанность входило курирование предприятий района Трептов, как продовольственных, так и промышленных. К тому времени в Германии создавались совместные предприятия, где главным инженером был представитель немецкой администрации, а Генеральным директором назначался представитель Советской военной администрации. В нашем районе был такой радиозавод «Блаупункт», в качестве товара-

ширпотреба он выпускал радиоприемники, а также занимался выполнением специальных заказов Советской военной администрации. [REDACTED]

Кроме этого я с красноармейцами также занимался патрулированием района, но нас интересовали не немцы, а наши бойцы в «самоволке». Солдаты переодевались в гражданское, и сматывались из расположения своих частей, кто к немкам, кто под другим делам. наших сразу можно было определить по шляпам, надвинутым, как кепки, низко на лоб, немцы их так не носили. существовал строгий приказ, запрещающий связи военнослужащих с немецкими женщинами, но большинство военнослужащих на этот приказ не обращали внимания. [REDACTED]

Г.К. - Какую специальность Вы выбрали после демобилизации? [REDACTED]

М.Г. – У меня было два любимых направления, два хобби – медицина и радиотехника. Привязанность к первой, наверное, можно объяснить тем, что после смерти отца у нас дома была большая медицинская библиотека, и я в свободное время увлекался некоторыми разделами этой науки. Радиотехникой я тоже занимался с детства. Так, в 1937 году на городской выставке детского творчества я получил приз за сконструированный двухламповый радиоприемник. Впоследствии, занимаясь на Детской технической станции, участвовал во Всеукраинской выставке детского творчества, где представил созданный мной портативный радиопатефон. Эту специальность я и выбрал для себя, поступив после демобилизации в 1948 году на радиофакультет Львовского Политехнического института. Однако, все это время я не забывал и медицину, интересуясь медицинскими радиоэлектронными приборами. [REDACTED]

Г.К. – Ваша судьба после окончания института? [REDACTED]

М.Г. – Закончил институт в 1953 году, женился на однокурснице, и вместе с ней мы поехали по

направлению в город Иркутск на радиозавод. На заводе я проработал 6 лет, начиная с должности инженера-конструктора и заканчивая начальником ОТК. Так как сибирский климат не подходил родившейся к тому времени дочери, то мы по объявлению переехали в Армению в город Кировакан, где я поступил в институт НИИ Автоматики на должность старшего инженера. В Армении мы прожили 32 года, после чего выехали на ПМЖ в Израиль. На этом можно было бы закончить свое жизнеописание, если бы на первый план не вышла моя старая любовь – любовь к медицине. Проанализировав подходы к организму человека классической медицины, я пришел к выводу, что, не смотря на высококвалифицированные кадры, прекрасное оборудование, множество эффективных препаратов, ортодоксальная медицина находится в фатальном тупике. Это происходит потому, что во главе этой отрасли стоит ошибочная парадигма - классическая медицина устраняет симптомы болезни, а не причины. Это приводит к тому, что сегодня врачам неизвестны причины сотен заболеваний. Здесь мне пришла в голову мысль, что организм человека имеет смысл рассматривать не как физическое тело, а как волновой портрет систем, органов и тканей вплоть до клеточного уровня. Такой подход позволил создать концепцию «Информационно-волновая медицина». Не буду излагать ее особенности и достоинства, с ней можно ознакомиться в интернете, набрав в поисковой системе название концепции или фамилию автора. Скажу только, что сегодня без особого труда я излечиваю различные виды раковых заболеваний, а также десятки «неизлечимых» болезней. Но это уже другая тема....

НАГРАДНЫЕ
ЛИСТЫ

Интервью и лит. обработка: Г. Койфман